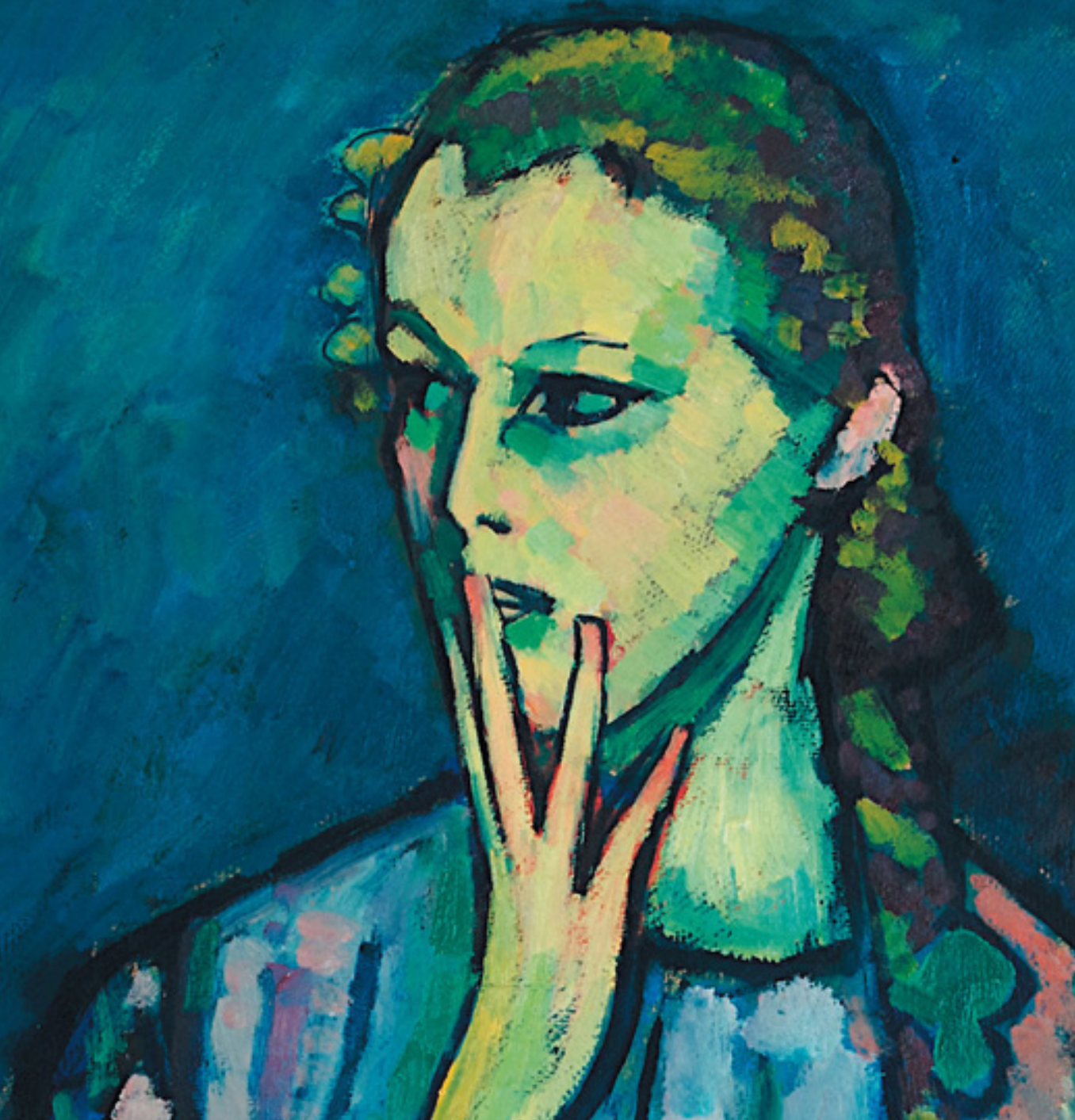

COGITO
CE
RE
NT

МАРИ КАРДИНАЛЬ

Слова, которые исцеляют

Мари Кардиналь

Слова, которые исцеляют

«Когито-Центр»

1975

Кардиналь М.

Слова, которые исцеляют / М. Кардиналь — «Когито-Центр»,
1975

«Слова, которые исцеляют» (1975) – одна из самых известных книг Мари Кардиналь – написана на основе ее собственного опыта в психоанализе. Изображен тот период и те условия, что привели автора к психической нестабильности, а затем к постепенному выздоровлению. Сюжет вращается вокруг женщины, переживающей эмоциональный срыв, порожденный ее отношениями с матерью. Героиня проходит длительный курс психоанализа. Постепенно она понимает, что была не в состоянии справиться с жесткими рамками кодекса поведения патриархальной системы, регулирующими ее жизнь с детства. С помощью терапии и путем изложения в письменном виде всех своих эмоций и переживаний рассказчица начинает распутывать хаос в своем прошлом и получает возможность «переписать» свою жизнь.

© Кардиналь М., 1975

© Когито-Центр, 1975

Содержание

I	6
II	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мари Кардиналь

Слова, которые исцеляют

* * *

В оформлении обложки использован фрагмент работы Алексея фон Явленски «Портрет молодой девушки» (1909)

© Когито-Центр, 2014 ISBN 978-5-89353-425-2

Доктору, который помог мне родиться

I

Глухой переулок был плохо вымощен камнем, полон ухабов и неровностей, по краям тянулись узкие, местами побитые тротуары. Подобно потрескавшемуся пальцу, переулок проникал между одно-двухэтажными частными домами, прижимавшимися друг к другу, и в конце концов упирался в два забора, покрытых убогой зеленью.

Окна не выдавали ничего сколько-нибудь сокровенного, в них не было никакого движения. Казалось, что ты в провинции, и все же это был Париж, четырнадцатый округ. Здесь не было нищеты, как не было и богатства, это была жизнь мелкой буржуазии, скрывающей свои сбережения в обивке диванов, щербатых ставнях, ржавых желобах и облезлых стенах с облупившейся штукатуркой. Ворота, однако, были солидными, а окна на первых этажах – защищены прочными решетками.

Этот тихий закоулок насчитывал, наверно, лет пятьдесят, ибо сохранял в причудливых строениях следы стиля модерн. Кто обитал в них? Судя по некоторым витражам, дверным молоточкам, сохранившимся орнаментам, можно было предположить, что за этими фасадами жили вышедшие на пенсию люди искусства, завершившие свою карьеру живописцы, престарелые певицы, бывшие мастера сцены.

На протяжении семи лет три раза в неделю я проходила по этому переулку до конца, до забора слева. Я знаю, как здесь идет дождь, как прячутся от холода жильцы.

Я знаю, что летом здесь устанавливается почти сельский образ жизни с вазонами герани и спящими на солнце кошками. Знаю, как выглядит глухой переулок и при свете дня, и ночью. Знаю, что он всегда безлюден. Он кажется пустынным даже тогда, когда какой-нибудь прохожий спешит к своим воротам или шофер выводит свой автомобиль из гаража.

Теперь мне трудно вспомнить, который был час, когда я впервые переступила порог этого дома. Заметила ли я давно не ухоженные растения в садике? Почувствовала ли гальку на узкой мостовой? Пересчитала ли семь ступенек на крыльце? Успела ли разглядеть стену из жернового камня, пока ждала, чтобы открылась входная дверь?

Не думаю.

Зато я увидела смуглого человечка, который протягивал мне руку. Я заметила, что он был худощав, прилично одет и весьма сдержан. Я увидела его черные глаза, непроницаемые, как матовое стекло. Я приняла его предложение подождать в комнате, которую он мне показал, раздвинув шторы. Это была гостиная в стиле Генриха II, где мебель – стол, стулья, буфет, сервант – занимала почти все пространство, демонстрируя вновь прибывшему барельефы в виде гномов и плюща, спиралевидные колонны из резного дерева, медные диски и китайские фарфоровые вазы. Эта уродливость не имела для меня никакого значения. Для меня была важна лишь тишина. Я находилась в настороженном и напряженном ожидании, пока не услышала справа от штор стук открывающейся двойной двери, затем звук шагов двух человек и легкий шорох, после чего входная дверь открылась и голос пробормотал: «До свидания, доктор». Ответа не последовало, дверь закрылась. И снова легкие шаги к первой двери, короткий скрип паркета под ковром, свидетельствующий о том, что дверь осталась открытой, затем – непонятное движение. Наконец шторы раздвинулись, и человечек пригласил меня в свой кабинет.

Вот я сижу на стуле перед письменным столом. Человек погружен в черное кресло, так что я вынуждена сидеть боком, чтобы разглядеть его. На стене передо мной полки, набитые книгами, к которым приставлена кушетка коричневого цвета с валиком и подушечкой. Доктор явно ждет, чтобы я заговорила.

– Доктор, я уже долгое время больна. Я сбежала из клиники, чтобы встретиться с вами. У меня больше нет сил жить.

Глазами он дает мне понять, что слушает внимательно и что я должна продолжать.

Находясь в прострации, будучи подавленной, отрешенной, замкнутой в своем собственном мире, как я могу найти слова, которые передались бы от меня к нему? Как построить мост, который соединил бы возбуждение и спокойствие, свет и мрак, простиравшийся за каналом, за рекой, полной нечистот, за грозной лавиной страха, которая отдаляла доктора и всех других людей от меня?

Я умела рассказывать истории и даже анекдоты. Но то, что воцарилось во мне, то самое «Нечто», тот стержень моего существа, герметически закрытый, полный движущегося мрака, – как мне рассказать об этом? Это была густая, плотная сущность, пронизанная в то же время спазмами, одышкой и медленными движениями, подобными движениям на морских глубинах. Глаза мои перестали быть «окнами». И хотя они были открыты, мне казалось, что они закрыты и что это – всего лишь два глазных яблока.

Я стыдилась происходившего во мне, этого внутреннего хаоса и возбуждения, и никто не должен был заглядывать туда, никто не должен был об этом знать, даже доктор. Я стыдилась своего безумия. Мне казалось, что любая форма жизни предпочтительнее безумия. Я неустанно плавала в весьма опасных водах, полных течений, каскадов, водоворотов и острых осколков, и, несмотря на это, всегда делала вид, что плыву по озеру тихо, как лебедь. Чтобы полностью спрятаться, я затыкала все свои «выходы»: глаза, нос, уши, рот, влагиалище, задний проход, поры, уретру. Чтобы как можно плотнее закрыть эти отверстия, тело предоставило мне много «секреторных возможностей». Некоторые виды влаги сгущались до такой степени, что останавливались в своем движении, образуя плотный блок, в то время как другие, напротив, текли безостановочно, также препятствуя таким образом проникновению чего-либо внутрь.

– Вы можете рассказать мне о лечении, которое вам прописали? О специалистах, которые вас консультировали?

– Да.

Об этом говорить я могла. Могла перечислять докторов и медикаменты, могла говорить о крови, о ее приятном и теплом присутствии меж моими бедрами вот уже в течение трех лет, о двух выскабливаниях, сделанных мне, чтобы остановить кровотечение.

Это кровотечение, проявляющееся в разной степени, было мне хорошо знакомо. Эта аномалия не была опасной, потому что ее можно было увидеть, измерить, проанализировать. Мне нравилось превращать ее в главный предмет и причину моей болезни. Поистине как могут не пугать эти постоянные кровотечения? Какая женщина не сошла бы с ума от страха, видя, что таким образом из нее вытекает жизненная сила? Как можно не мучиться от постоянного наблюдения этого интимного, вызывающего стеснение и стыд, открытого источника? Как не считать это кровотечение знаком того, что я не могла больше жить среди других? Я запачкала столько кресел, стульев, диванов, кушеток, столько ковров и кроватей! Я оставила столько луж, лужиц, капель и капелек в столь многих залах, гостиных, приемных, коридорах, бассейнах, автобусах и других местах! Я больше не могла выходить.

Как не сказать о тех радостных днях, когда, казалось, кровотечение останавливалось, оно обнаруживало себя лишь следами темно-коричневого, потом охристого, потом желтоватого цвета. В те дни я не болела, могла двигаться, видеть, выйти из своей скорлупы. Кровь в конце концов уходила свертываться в свой маленький мешочек и дремала там целых двадцать три дня, как раньше. В надежде, что будет именно так, я старалась делать как можно меньше усилий. Я двигалась с большой осторожностью, не брала на руки детей, не таскала с базара корзины, не стояла слишком подолгу у кухонной плиты, не стирала белье, не мыла окна: делала все медленно, спокойно, чтобы исчезла кровь, чтобы прекратились любые выделения. Полулежа я что-то вязала спицами, одновременно присматривая за своими тремя детьми. Тайком, определенным движением руки, которое привычка сделала очень быстрым и искусным, я все время следила за своим состоянием. Я умудрялась делать это в любом положении так, чтобы никто не заметил. В зависимости от обстоятельств моя рука пробиралась спереди меж жест-

ких и кудрявых волосинок, пока не находила теплое, мягкое и влажное местечко гениталий, затем, разумеется, отдергивалась, или же рука легко проскальзывала между ягодицей и бедром и тут же погружалась в глубокое отверстие, после чего быстро отодвигалась. Я не сразу смотрела на кончики пальцев – готовила себе сюрприз. А если ничего нет? Иногда это было что-то столь незначительное, что приходилось довольно сильно скрести ногтем большого пальца кожу на указательном и среднем пальцах, чтобы заметить чуть окрашенное выделение. Тогда я чувствовала себя счастливой: «Если больше не сделаю ни одного движения, то это прекратится полностью». Я цепенела, будто спала, изо всех сил надеясь снова стать нормальной, быть как все. Я бесконечно занималась хорошо известными женщинам подсчетами: «Если месячные заканчиваются сегодня, то следующие будут... сейчас посмотрим, в этом месяце тридцать или тридцать один день?». Я предавалась расчетам, радости, мечтам, пока не вздрагивала от еще скрытой, мягкой, но уже ощутимой, энергичной нежности сгустка, который приносил вслед за собой кровь. Густая спешащая лава, падающая из кратера, проникающая во все отверстия, струящаяся, теплая. И сердце опять начинало стучать, и возвращалась тревога, и исчезала надежда – я вновь бежала в ванную комнату. А кровь уже успевала пробежать по коленям и дальше по ногам каплями красивого ярко-красного цвета. Столько лет, прожитых в бесконечном кошмаре ожидания этой крови!

Меня осматривало множество гинекологов. Я отлично знала, как надлежало придвинуться к краю гинекологического кресла, но прежде водрузить свои раздвинутые ноги на высокие опоры. Открытые внутренности вверялись теплу лампы, глазам доктора, пальцам в тонких резиновых перчатках, красивым и страшным стальным инструментам. Я закрывала глаза или упорно смотрела в потолок, в то время как внутри себя я чувствовала ловкие прикосновения пальцев, производивших совсем неделикатные изыскания. Насилие!

Все это оправдывало, как мне казалось, мою собственную неуравновешенность, делая ее более приемлемой, менее сомнительной. Ну разве можно отправить в психушку женщину лишь потому, что она кровоточит, и потому, что это приводит ее в ужас? И пока я говорила только о крови, только она одна и была видна, и не было видно того, что за ней скрывается.

Итак, я сидела рядом с доктором в тишине дома в стиле барокко, в конце глухого переулка, молчаливая, покорная и любезная – такая, какой должна была быть кровь в полости моего живота. Я еще не знала, что это место и этот человек станут отправной точкой всего, что случится затем в моей жизни.

Я охотно рассказывала о своем визите несколько недель назад к одному известному профессору, врачу-гинекологу.

Специалист, одетый в короткий белый халат и брюки в американском стиле, засунул свою правую руку внутрь меня, а левой начал давить на мой живот, в одном месте, в другом, посередине, толкая мои кишки вниз, туда, где орудовали его одетые в перчатки пальцы, примерно так, как это делает хозяйка, чтобы вытащить из цыпленка потроха одним движением. Я ожидала, что мои внутренности начнут издавать слабые звуки, которые обычно появляются при хождении по грязи: «плюх», «шлеп», «хлюп». Потолок был белым, как «белая ложь» – ложь во спасение. Безгранично белый, настолько, что в нем полностью исчезали отражения больных деформированных влагалищ, девственно белый, способный поглощать мерзкие образы моего воображения.

После тщательного осмотра профессор встал, снял перчатку и, в то время как я продолжала лежать в кресле с раздвинутыми ногами, заявил: «Пока что у вас нет ничего, кроме фиброматоза матки. Я советую вам избавиться от нее, и как можно быстрее. Если нет, то у вас будут серьезные проблемы, и гораздо раньше, чем вы думаете. Давайте уточним дату операции. Увидите, после этого все будет хорошо. Не будем откладывать, я прооперирую вас на следующей неделе. Посмотрим, какой день вас больше устраивает? Понедельник или вторник?» Я

сказала: «Вторник». Затем он указал, какие обследования мне следует пройти, чтобы можно было лечь в клинику. Я отдала ему деньги, поблагодарила и ушла.

Мне было около тридцати лет, и мне не хотелось оставаться без того мешочка и без тех двух шариков. Я не хотела, чтобы текла кровь, но в то же время я хотела сохранить этот узелок в своем животе. Нечто настойчиво возмущалось в моей голове. Я быстро спустилась по мраморной лестнице с колоннами, коврами, ровными медными карнизами, с зеркалами на площадках и оказалась на улице, на широком светло-сером тротуаре одного из красивых кварталов города. Я побежала, спустилась в метро. Там мое внутреннее Нечто охватило меня уже всю, вонзая свои корни в мою фиброматозную матку. Фиброматоз! Какое ужасное слово! Каверна, наполненная кровянистыми волокнами. Отверстие, чудовищно набухшее. Жаба, набитая гноиниками. Каракатица!

Для душевнобольных слова, как и предметы, живут, подобно людям и животным. Они трепещут, исчезают или, наоборот, приумножаются. Пройти через слова – это все равно, что пройти через толпу. Остаются образы, силуэты, быстро уплывающие из памяти, а иногда надолго в ней закрепляющиеся неизвестно почему. Для меня в то время только одно слово, отделенное от массы остальных, оживало, становилось самым значительным, жило внутри меня, не оставляло в покое, мучило, вновь появлялось ночью и ждало моего пробуждения.

Я тихонько открывала глаза, выходила из гнетущего, «химического» сна, в который меня ввергали транквилизаторы. Вначале я чувствовала себя абсолютно здоровой. Я чувствовала время, солнце. Все шло своим чередом. Я поднималась на поверхность сознания. Секунда, две, может, три. **ФИБРОМАТОЗ!** Шлеп! Разлившийся, как обильная струя жирной краски на чистой стене. Меня неизменно бросало в дрожь, сердце колотилось, я задыхалась от страха. Так начинался мой день.

Я должна вспомнить и вновь обрести ту позабытую женщину, более чем позабытую, практически растворившуюся. Она ходила, она говорила, она спала. Меня волнует мысль о том, что видели ее глаза, слышали ее уши, чувствовала ее кожа. Ибо именно моими глазами, моими ушами, моей кожей, моим сердцем жила та женщина. Я рассматривала свои руки, те же руки, те же ногти, то же кольцо. Она и я. Она – это я. Сумасшедшая и я начинали совершенно новую жизнь, полную надежд, жизнь, которая уже не могла быть плохой. Я оберегала ее, а она одаривала меня воображением и свободой.

Чтобы рассказать о моем превращении, о рождении, я должна отдалиться от той сумасшедшей, держать ее на расстоянии, раздвоиться. Я вижу ее на улице, она спешит. Мне известны ее старания, я знаю, сколько усилий ей приходится прилагать для того, чтобы выглядеть нормальной, прятать свой страх за взглядом. Я вспоминаю, как она стоит со втянутой в плечи головой, печальная, поглощенная усиливающимся внутренним беспокойством, отводящая глаза. Чтобы только ничего не обнаружилось! Больше всего она была озабочена тем, чтобы не упасть на улице, чтобы ее не схватили другие и не повезли в больницу. Мысль, что она уже не в состоянии совладать с безумием, нараставший поток которого в один день разрушил бы дамбу и широко разлился, бросала ее в дрожь.

Маршрут ее походов все больше сокращался, и в один прекрасный день она перестала выходить в город! Потом в какой-то момент ей пришлось сократить и свои передвижения внутри дома. Капканы множились. Последние месяцы перед тем, как ее отдали в руки врачей, она могла жить лишь в ванной. Белая комната, кафель ромбиком, слабый свет из окошка в форме полумесяца, почти целиком закрытого ветками массивной ели, стучащими в окно в ветреные дни. Комната, в которой должно пахнуть только антисептиками и туалетным мылом. Ни пылинки по углам. Пальцы скользят по плитке, как по льду. Никаких следов разложения или брожения. Лишь неразлагающаяся материя или, по крайней мере, разлагающаяся столь медленно, что невозможно было представить ее окончательно испортившейся.

Между биде и ванной – именно там ей было уютнее всего, когда она не могла больше справиться с внутренним Нечто.

Там она пряталась, ожидая, когда лекарства возымеют действие. Сворачивалась калачиком: пятки касались ягодиц, а руки изо всех сил прижимали колени к груди, ногти впивались в ладонь так сильно, что в конце концов образовывались ранки, голова качалась во все стороны, будто налитая свинцом, а кровь и пот текли ручьями. Это Нечто, которое состояло из чудовищного клокотания образов, звуков, запахов, рассеивающихся во всех направлениях сокрушительными толчками, разрушало связность любого суждения, делало абсурдным любое объяснение, бесполезной любую попытку упорядочения, пробиваясь наружу сильной дрожью и противным потом.

Кажется, когда я в первый раз пошла к психоаналитику, был вечер. Или, может быть, у меня просто сохранилась ностальгия по одному из тех поздних сеансов в конце глухого переулка вдали от холода, от всех остальных, от сумасшедшей, от тьмы. Это был один из тех сеансов, когда я осознала, что вынашиваю себя, что рождаюсь. Появлялись светлые перспективы, дорога становилась шире, и я это понимала. Сумасшедшая уже не была той женщиной, которая существовала лишь затем, чтобы спрятать свою дрожь в туалетах быстро, которая убегала от безымянного врага, кровоточила на тротуарах, разбрызгивала свой страх по ванной комнате, той больной, которая не хотела, чтобы к ней прикасались, смотрели на нее, чтобы к ней обращались. Сумасшедшая становилась женщиной – нежной, чувственной, полноценной. Я начала принимать сумасшедшую, любить ее.

Первый раз я пришла в глухой переулок с мыслью побыть какое-то время под присмотром доктора, который не отправит меня в больницу (я знала, что психоаналитики не отправляют туда своих пациентов). Я боялась госпитализации так, как боялась операции, которая ампутировала бы мне весь живот. Я сбежала из психиатрической клиники, чтобы оказаться в глухом переулке, но боялась, что явилась слишком поздно и что мне придется туда вернуться. Мне казалось, что это неизбежно, особенно когда внутреннее Нечто дополнилось галлюцинацией. Кстати, я твердо решила не говорить доктору об этой галлюцинации. Мне казалось, что, если я это сделаю, он не сможет заботиться обо мне и немедленно отправит туда, откуда я пришла. Эпизодическое присутствие живого глаза, направленного на меня, реально существующего, но существующего только для меня (это я понимала), казалось мне признаком настоящего безумия, неизлечимой болезни.

Мне было почти тридцать лет, физическое здоровье мое было отменным, и, закрывшись в своей скорлупе, отдалившись от детей, я могла бы наслаждаться этим здоровьем еще лет пятьдесят и, может быть, полностью подчинилась бы своей судьбе. И я, наверно, отказалась бы бороться, если бы не дети. Ибо борьба против внутреннего Нечто была изнурительной, и я все чаще и чаще прибегала к лекарствам, которые переносили меня в липкое и приятное небытие. Мои дети были маленькими человечками, которых я очень ждала. Они не появились на свет просто так, случайно. Еще в раннем детстве я говорила себе: «Когда-нибудь у меня будут дети, и я построю вместе с ними и для них жизнь, полную тепла, любви, нежного покровительства, веселья». Это было то, о чем я мечтала, еще когда была маленьким ребенком. Дети появились на свет, привнеся в мир свою совершенно новую жизнь. Они были очень крепкими, совсем разными, хорошо росли. Мы обожали друг друга. Мне нравилось смеяться вместе с ними, мне нравилось напевать им песенки.

Потом все пошло прахом: появилось внутреннее Нечто, затем ушло, вернулось и больше не покидало меня. Оно так завладело мной, что я была поглощена только им. Какое-то время вначале я думала, что смогу жить со своим Нечто так, как другие живут с одним глазом или с одной ногой, с болезнью желудка или почек. Некоторые медикаменты действительно загоняли его в дальний угол, где оно не шевелилось. Тогда я могла слушать, говорить, ходить, могла гулять с детьми, рассказывать истории, чтобы их развеселить. Потом действие медикаментов

постепенно ослабло. Я стала принимать двойную дозу, тройную. И однажды я поняла, что стала настоящей пленницей внутреннего Нечто. Я консультировалась у огромного количества врачей. Кровь теперь текла безостановочно.

Изредка у меня ухудшалось зрение. Я жила будто в тумане, все становилось мутным и опасным. Голова втягивалась в плечи, кулаки сжимались, готовые к обороне. Сердцебиение доходило до 130–140 ударов в минуту, и это длилось в течение всего дня, было ощущение, что сердце вот-вот пронзит грудную клетку и выскочит, колотясь на виду у всех. Его трепещущий ритм истощал меня. Мне казалось, что все вокруг слышат, как оно бьется, и от этого мне было стыдно.

У меня появились две мании – два действия, которые я повторяла по тысяче раз в день. Одно, уже описанное мною, состояло в том, чтобы проверять, в каком состоянии находится ток моей крови, а второе – в том, чтобы измерять пульс. Как и в случае с кровью, я действовала тайком, так, чтобы никто не заметил. Мне не хотелось, чтобы кто-то, видя, как я ощупываю запястье своей руки, говорил: «Что случилось, вы плохо себя чувствуете?». Кровь и пульс были двумя самыми чувствительными, ощутимыми приметами моей болезни. Эти были два симптома, позволявшие мне изредка, когда больше невозможно было выдержать, говорить: «Я сердечница. У меня рак матки». И я опять начинала ходить по врачам. А смерть давала о себе знать еще сильнее своими плохо пахнущими жидкостями, продуктами разложения, червями, ломкими костями.

Сейчас, когда мне взбрело в голову рассказать о своей болезни, сейчас, когда я предоставляла себе мучительную привилегию описать страшные картины и болезненные ощущения от воспоминаний, мне кажется, будто я режиссер с камерой в руке, который, крепко держа за огромную рукоятку подъемного крана, может опуститься вниз, чтобы крупным планом подробно снять детали одного лица, и сразу затем подняться над съемочной площадкой, чтобы запечатлеть всю сцену целиком. Таким образом, описывая свой первый визит к доктору, я вижу Париж с его ночными осенними (осень ли тогда была?) огнями и квартал Алезия, а в нем – глухой переулок и домик, а в домике – кабинет, освещенный мягким светом, где беседуют мужчина и женщина, и женщина эта свернулась на кушетке клубочком, как плод в утробе.

Так вот, в то время я еще не знала, что лишь начинала рождаться и что переживала первые минуты своей собственной долгой беременности, растянувшейся на семь лет. Я была лишь эмбрионом, вынашивавшим меня саму.

Я рассказала доктору о крови и о том внутреннем Нечто, от которого у меня начиналось сердцебиение, но знала, что не буду говорить ему о галлюцинации. Я рассказала о последних прошедших днях, о клинике. Я говорила обо всем.

Доктор слушал меня с большим вниманием, однако ничто в моем рассказе не вызывало у него никакой реакции. Когда я закончила, поведав ему о ванной комнате и о кризисах тревоги, он спросил меня:

- Что вы чувствуете в такие минуты, кроме физического страдания?
- Я боюсь.
- Бойтесь чего?
- Я боюсь всего... я боюсь смерти.

Собственно говоря, я не знала, чего я боялась. Я боялась смерти, но боялась и жизни, которая содержит смерть. Я боялась внешнего, но боялась и внутреннего, являющегося обратной стороной внешнего. Я боялась других, но боялась и себя, которая была другой. Я боялась, боялась, боялась. БОЯЛАСЬ, БОЯЛАСЬ. Вот и все.

Страх загнал меня в мир умалишенных. Семья, от которой я с таким трудом отделилась, опять образовывала вокруг меня кокон, все более и более тесный, все более и более непро-

нищаемый по мере того, как прогрессировала моя болезнь. Семья делала это не только для того, чтобы защитить меня, но и чтобы защититься самой. Безумие неуместно в определенной социальной среде, его надо во что бы то ни стало скрывать. Безумие аристократов или простых людей считается эксцентричностью или пороком, его можно объяснить. Но в новом классе власть имущих ему нет места. Если оно является следствием плохой крови или нищеты – куда ни шло, это можно понять, но оно не может исходить из комфорта, из изобилия, хорошего здоровья, равновесия, которое дают честно заработанные деньги. В этом случае оно является постыдным.

Поначалу мне деликатно, шепотом говорили: «Ничего, ты просто нервничаешь. Отдохни и займись спортом». В дальнейшем это превратилось в приказания: «Пойдешь к доктору N, он друг твоего дяди и видный специалист по нервным болезням». Видный специалист-друг прописал мне лечение «под медицинским наблюдением». В клинике дяди мне отвели комнату на самом верху.

Комната на чердаке с большой кроватью, тихая, обитая тканью «де жуи» с успокаивающими деревенскими мотивами: пастушка с овцами и кнутом, оливковое дерево с узловатым стволом и листьями. Пастушка, овцы, дерево, пастушка, овцы, дерево. Умиротворяющее повторение. Ширма из такой же ткани загораживала удобный туалетный столик из красивого белого фарфора с закругленными углами – такой идиллический, успокаивающий. Передо мной – стол со стулом, затем слуховое окно, открывающее чудесную панораму Иль-де-Франс: вереница шумных тополей, яблони, рассаженные в шахматном порядке, пшеничные поля на пологом склоне, насколько хватает глаз. Огромное небо.

Ткань «де жуи», на самом ли деле она была в комнате клиники или же она из моей детской комнаты? А были ли в ее набивке крупные цветы на толстых стеблях? Да и что было на стенах – ткань «де жуи» или просто голубая краска? Я уж и не знаю. Я не знаю, как туда попала, кто меня привел. Я отчетливо вижу узкую лестницу, ведущую в комнату. Вижу пространство комнаты, мебель, окно. Туалетный столик.

Там пришлось раздеться, надеть новую пижаму, сесть на мягкую кровать со свежим бельем, затем лечь, дать измерить себе давление и пульс – отдаться в руки врачей. Я закрыла глаза, чтобы продолжить свою внутреннюю борьбу, так как внешне мною и так руководили: тело мое было натянуто как струна, руки лежали на разглаженной постели, кисти были разжаты. Внешне я выглядела нормальной. Внутри же мне необходимо было утихомирить все пульсации. Мне надели на руку манжетку, я слышала короткие вздохи груши и чувствовала, как манжетка все сильнее сжимала меня, затем я поежилась от контакта с холодным металлическим диском, который приложили к внутренней стороне моего локтя. Доктора обеспокоило мое слишком низкое давление: предстояло измерять его через каждые четыре часа, после чего принимать таблетки. Меня мало волновало пониженное давление. Меня интересовал пульс, сумасшедшее сердцебиение. Мое давление оставляло мне возможность попытаться его успокоить. С моей руки сняли манжетку, кто-то зашевелился возле меня.

Кто бы это мог быть? Дядя? Друг-профессор? Кто-нибудь еще? Не знаю. Тогда я была так занята тем, чтобы контролировать себя и объявить войну внутреннему Нечто, что толком ничего не видела, чувствовала, что слепну, брела ощупью, скорее какой-то инстинкт помогал мне не сталкиваться с предметами и людьми.

Наконец я почувствовала кончики пальцев, умело сжимающих мое запястье. Четыре мягкие подушечки – им не понадобилось ничего нащупывать, едва они коснулись зоны пульса, как кровь, взволнованная, напуганная внутренним Нечто, начала стучать. А пальцы, как только услышали эти биения, еще больше умножили их, и они понеслись по всему телу, по всей комнате. 90, 100, 110, 120, 130, 140... Тщетно я прятала внутреннее Нечто и закрывала все, откуда оно могло бы выйти, оно умело проявлять себя через вены, через кожу. Подлое Нечто было там, оно издевалось надо мной, не слушалось меня, било как ненормальное в чужие пальцы,

которые вдруг отстранились. С этой минуты они уже знали все. Снова движение, легкий шум шагов, не пугающий, безобидный.

– Сейчас вы примете лекарство. Всего лишь по четверть таблетки четыре раза в день в течение недели. Затем дозу увеличим. Это вам поможет.

Говорила женщина маленького роста, худая, с седыми волосами. В ее взгляде я прочла, что она уловила знак, переданный ее пальцам внутренним Нечто. Она знала.

Я взяла маленькую дольку таблетки, стакан с водой, протянутый ею, и сделала вид, что глотаю. На самом деле уже несколько недель подряд я не могла глотать нерастворенные лекарства. Мое горло сжалось настолько, что в него ничего не проходило. Каждый раз, когда нужно было сделать глоток, мне казалось, что я задыхаюсь. Я закрыла глаза и своим поведением дала понять, что все идет хорошо, что теперь мне нужно отдохнуть. Кусочек таблетки оставался у меня в горле, как огромная, плотная масса. Женщина ушла.

Я тут же побежала к умывальнику выплюнуть таблетку и засунула свои пальцы глубоко в глотку, чтобы спровоцировать освобождающие спазмы. Наконец маленький желтоватый треугольник появился вместе со слизью, пеной и липкими каплями. (Таблетка – была ли она желтоватой, бледно-розовой или перламутровой?) Я села на биде, дрожа с ног до головы, прильнув лбом к холодному и твердому краю умывальника. Время перестало существовать. Я не знаю, как долго я оставалась неподвижной. Помню, что я вынула тампон, блокировавший кровь, которая, я видела, текла медленно, капля за каплей, в то время как я легко покачивалась взад и вперед, укачивая себя и прекрасно зная, что вместе с собой я укачивала внутреннее Нечто. Капли крови стекали, понемногу растворялись во влажности белого фаянса и в конце концов проложили себе извилистую дорожку до места стока. Я смотрела на то, что происходило с кровью, вытекающей из меня, и думала, что сейчас у нее собственная жизнь, что она открывает физику земных вещей: вес, плотность, скорость, продолжительность. Она не давала мне скупать, сама являясь жертвой непостижимых и равнодушных законов жизни.

Внутреннее Нечто победило. Существовали только мы вдвоем, и так навсегда. Наконец мы были закрыты, сами в себе, вместе со всем тем, что мы выделяли: кровь, пот, экскременты, слюну, гной, рвоту. Это Нечто лишило меня детей, оживленных улиц, освещенных витрин, легких волн моря во второй половине погожего дня, кустов сирени, смеха, удовольствия от танца, дружеского тепла, тайной восторженности от учебы, долгих часов чтения, музыки, мужских рук, нежно обнимающих меня, шоколадного крема, радости плавания в прохладной воде. Мне оставалось лишь корчиться в этой ванной комнате клиники, в ее самом стерильном месте, и потеть, дрожа. Дрожь так сотрясала меня, что стук моих челюстей был похож на беспорядочную стрельбу из автомата.

К счастью, ступеньки маленькой лестницы издавали скрип, и при малейшем шорохе я вновь ложилась и принимала естественное положение. Мне не нравилась седая женщина, и я никогда не заговаривала с ней. Она приносила мне подносы с едой и, измерив давление и пульс, давала таблетки. Я не могла есть. Я бросала в умывальник все, что могло проходить в его отверстие, остальное уходило в водосточную трубу, которая заканчивалась под крышей из волнистой черепицы у моего окна. Я не помню, как тянулось время, быстро или медленно, не помню ни дней, ни ночей. Я была пленницей. Я смотрела в окно, прикидывая, можно ли умереть, бросившись из него. Да, можно, ведь подо мной наверняка было не менее четырех этажей. У нижней части дома была своя отдельная крыша, и не знаю, куда бы я упала, может, на какую-нибудь веранду, а может, и на траву. Но мне не хотелось покончить с собой таким образом. Да и смерть пугала меня, заявляя, однако, о себе как о единственном выходе, чтобы избавиться от внутреннего Нечто.

Я не помню, сколько дней прошло, прежде чем я почувствовала чрезвычайную потребность сбежать. Во всяком случае по меньшей мере дней восемь, потому что в то утро (а я уве-

рена, что это было утром) мадам дала мне выпить половинку таблетки, а я точно помнила, что неделю я должна была принимать по четверть таблетки, а затем – по половине.

В какой-то момент я поняла, что лежу в постели нормально, на спине, с открытым лицом. Это меня удивило: уже много месяцев я могла жить лишь съезжившись, спать лишь свернувшись клубочком, с головой, накрытой простыней. Обнаружив эту перемену, я почувствовала тяжесть в затылке, как будто что-то давило на меня внутри, как будто мозжечок был из свинца. И тогда я осознала, что эта тяжесть, не слишком отчетливая, существовала во мне уже в течение некоторого времени. В ту же секунду я увидела, что внутреннее Нечто больше не было тем возбужденным, пыхтящим, проворным – оно стало плотным, липким, густым. Во мне сейчас обитал не столько страх, сколько, скорее всего, отчаяние, горечь, отвращение. Мне не хотелось больше находиться в клинике. Я не знаю, какой инстинкт заставил меня тогда отдать предпочтение изнурительной борьбе с Нечто разъяренным, вместо того чтобы сосуществовать с Нечто мягким, прилипшим ко мне с отвратительным бесстыдством.

Утром, чувствуя все большую тяжесть и боль в голове, уткнувшись в подушку, я установила связь между моим нынешним состоянием и таблетками. Я вспомнила разговор между другом-психиатром и моим дядей. Они говорили о новом методе лечения, о «химическом электрошоке», который пока мало применялся, однако результаты его были лучшими по сравнению с обычным электрошоком. Они беседовали в моем присутствии, как будто я была всего лишь каким-нибудь фарфоровым сосудом. Главное, что вначале я не придавала их словам никакого значения. Я просто думала о том, что круг замкнулся, что меня положат в больницу, и это было естественно, так как я была не в состоянии жить, как все остальные, не в состоянии воспитывать как положено своих детей.

И потом я больше не выдерживала, я хотела освободиться от страха, от того внутреннего Нечто любой ценой.

И все же в то утро в клинике я поняла, что цена этому будет слишком высокой, и мне не хотелось платить эту цену.

Не буду принимать их противные таблетки, я решилась! Когда придет мадам, я буду симулировать глотание таблетки, но не проглочу ее, выплюну в окно. В водосточную трубу под крышей.

Так я и поступала.

Перебирая в памяти события того периода, я удивляюсь, находя там лишь пустые длинные пласты, отдельных людей и предметы, пляжи, посыпанные смутными обрывками моих дней, и среди этого вдруг конструкции – ясные, четкие, цельные, отлично сбалансированные и яркие. Во время болезни моя голова бывала порой более сообразительной, более ясной, чем когда-либо. С того времени я храню одно душераздирающее воспоминание. Когда я была сумасшедшей, я открыла в своей голове ходы, которые без помешательства я никогда бы не открыла. Во мне обнаруживались невероятные интеллектуальные способности, иногда меня осеняли глубокие, тонкие, отчетливые соображения, ведущие меня к более совершенному познанию, к более глубокому пониманию всего, что меня окружало. Я присматривалась к другим и видела их идущими по пути, абсолютно отличному от того, что открыла я, даже по противоположному, такому пагубному для них, что хотелось остановить их, предупредить об опасности. Но я этого не делала, ибо, считая себя больной, думала, что все мои открытия были не чем иным, как чистой деменцией. Как могло меня пугать то, что пропадают другие, когда я сама была умалишенной?

Итак, в тот день я ясно увидела, что произойдет и со мной. Ведь я никогда не встречала «излеченных» психиатрических больных. Я видела некоторых из них: чучела, безобидные, осторожные даже сами с собой, люди с влажными ладонями и с двусмысленным взглядом: пламя, пепел, пламя, пепел... Я думаю, что их Нечто уже не заставляло их страдать, но оставалось живым внутри и продолжало управлять ими.

С моей больной, тяжелой, страдающей головой (этот мозжечок, который лекарство «отрывало» от меня!) я тем не менее поняла все. Я не желала такой судьбы и придумала отличный план побега, рассчитав все до мельчайших подробностей. Во-первых, не принимать ни кусочка таблетки. Затем немного поесть, так как, чтобы выйти отсюда, мне нужны силы. Получить разрешение гулять в парке. После этого будет проще. Но, главное, я предвидела, что без моих собственных лекарств внутреннее Нечто вновь начнет атаковать меня тревогами, лихорадкой, страхом, потливостью. Я опять начну плохо видеть, начну кровоточить, как кусок мяса. Я во что бы то ни стало должна была убраться! Я знала, что на то, чтобы сыграть назначенную роль, в моем распоряжении было всего двадцать четыре часа. Потом я уже не смогу бежать, ибо все мои силы опять будут сосредоточены на схватке с внутренним Нечто, ведь я сомневалась, что смогу унести с собой сумку с кучей успокоительных средств, снотворных и со всеми теми вещичками, которыми я пользовалась в своей борьбе: кусочками сахара, чтобы усмирить желудочные колики, мятными таблетками, чтобы язык не был таким липким, а горло немного разжалось, аспирином, чтобы остудить голову, дезодорантом, чтобы унять запах пота, тампаксами, бумажными салфетками, ватой, чтобы остановить кровь, черными очками, которые спрятали бы мои глаза от других людей и защитили бы от невыносимого света. В этой сумке были и деньги, в которых я нуждалась, потому что находилась, по сути, в чистом поле, где невозможно было сесть в автобус, поезд или взять такси. Я должна была найти другой способ. И я найду его.

Я пойду в деревню и позвоню другу. (Меня знали на почте: «Племянница директора... заплатит завтра». Я уже поступала так.) Я была уверена, что попросить свою сумку было равносильно провалу. Они не должны ничего заподозрить. К счастью, я хорошо знала парк, где в детстве играла и где потом часто гуляла со своими детьми. Мне были знакомы некоторые дыры в заборе, сквозь которые можно было пролезть незаметно для сторожей. Им было неизвестно, по какой причине я находилась в клинике – она не была предназначена специально для лечения душевнобольных. Можно с уверенностью сказать, что только дядя, тетя и медсестра владели этим секретом. Но сторожа могли проболтаться, и тогда дядя мог узнать, что я вышла из парка. Тогда бы весь мой план провалился. Иначе обстояли дела с работниками почты – они не были в контакте с персоналом клиники.

Я все сделаю завтра. А послезавтра уйду. Единственное, что могло меня выдать, это пульс. Будет ли мое успокоительное действовать достаточное время?

Чтобы принять обеденную таблетку, я легла на кровать. Вошла медсестра.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, похоже, сегодня вы чувствуете себя лучше.

– Да, я себя чувствую лучше.

Давление, пульс, стакан воды и половина таблетки на маленьком металлическом подносе. Уже несколько дней мне не надо было бы ее растворять, я могла глотать нормально. Ловко зафиксированный под языком, прилипший к зубам полумесяц, вода, которая течет в горло.

Я улыбаюсь, она уходит. Таблетка отправляется в водосточную трубу. Послеобеденное время – на сей раз я стою в туалете.

– Сегодня хорошая погода.

– Да, хорошая.

– Мне хотелось бы увидеться с дядей. Хочется выйти.

– Ну-ну, полно, я думаю, это невозможно. Вот так, в разгар лечения?!

– Но я могла бы увидеться с дядей? Мне хочется что-нибудь почитать.

– Конечно.

Давление, пульс, таблетка в водосточной трубе. Через несколько мгновений заходит дядя:

– Итак, я вижу, тебе лучше, появилась охота читать! Я принес тебе иллюстрированные журналы и детективы.

– Мне хотелось бы немного походить. Нельзя ли погулять по парку?

– Я должен спросить твоего лечащего врача.

– Позвони ему. Я знаю, это пойдет мне на пользу, мне очень хочется.

– Я позвоню, в принципе после обеда он должен прийти осмотреть тебя.

– Я не могу все время сидеть неподвижно. Знаешь, мне намного лучше.

Широкая улыбка. Он сидит у кровати и едва осмеливается смотреть на меня. Чтобы спрятать свое беспокойство, делает вид, что просматривает мою карточку, где ежедневно указываются давление, пульс и дозы прописанных лекарств. Он знает эту карточку наизусть – каждое утро ему приносит ее медсестра.

– Ты выглядишь, как будто тебе действительно лучше, отлично. Я обязательно тебе скажу, что думает по этому поводу твой доктор.

Мой доктор! Я даже не знаю, как его зовут.

В ожидании возвращения дяди я решаю привести себя в порядок. Медленно расчесываю волосы, затем чищу зубы. Утомилась, у меня почти не осталось сил. Караулю внутреннее Нечто, но оно не беспокоится. Тогда я сажусь смотреть, как течет моя кровь в биде. Это мое любимое занятие с тех пор, как я нахожусь в клинике. Зрелище напоминает мне море и его волны, бегущие журча навстречу пляжу. Я думаю и о планетах, которые совершают свое регулярное вращение.

Как только я слышу скрип ступенек, я натягиваю трусы и с открытым журналом сажусь на стул у стола. Джина Лоллобриджида, с глубоким декольте, широко улыбается. Боже, как удается этой женщине быть такой счастливой?

Вошел дядя, одетый все в тот же белый халат, немного обтягивающий ему живот, с белым колпаком на голове, который он надевает в операционной.

– Твой доктор согласен. Завтра можешь пойти погулять. Он очень доволен тем, как быстро улучшается твое состояние. А ведь этот новый препарат, случается, оказывает на пациентов противоположный эффект, приводя их к апатии, провоцируя у них мигрени. Тебя будет сопровождать медсестра. Твоя тетя спрашивает, не хочешь ли ты поужинать с нами.

– Нет, не сегодня, спасибо. Я уже поела и лягу спать. Я приду завтра, если прогулка пойдет мне на пользу. Поблаговари ее от меня, она поймет, почему я не хочу прийти.

– Конечно. Знаешь, она ни минуты не сомневалась, что ты очень скоро выйдешь из своего состояния. Это не в духе вашей семьи. Ты слишком переутомилась, желая самостоятельно вырастить детишек. И все. Тетя очень беспокоится за твою мать, которая места себе не находит от волнения. Ты знаешь, как сильно они любят друг друга. Целый день висят на телефоне. Бедная твоя мать, она еле держится на ногах. Дети ее утомляют.

– Я очень скоро приду в себя. Вы должны успокоить ее. Все это не надолго.

– Знаешь, то, что я говорю, больше относится к твоей матери. Бедная женщина многого перенесла, она заслуживает покоя... В конце концов, я говорю с тобой как... со взрослым человеком. Не преувеличивай трудности.

– Нет, нет. Я тебя понимаю, я покончу с этим, я чувствую, мне лучше.

– До свидания, моя большая девочка.

Он целует меня в лоб, выходит.

Я не хочу думать о матери. Я не должна думать о детях...

Затем все помутнело. Драка с внутренним Нечто была жестокой. Я чувствовала, что мне не хватает сил на долгую борьбу с ним, голыми руками, без хотя бы капельки лекарства, без ничего, и все же я выдержала. Я вышла без медсестры, одна. Побегала по полю. (Я стараюсь вспомнить, была ли пшеница на поле уже высокой, но мне это не удастся.) Я застаю своего приятеля дома, у телефона.

– Пообещай мне, что завтра приедешь к этому же часу? Жди меня на перекрестке национального шоссе и дороги, где указатель на клинику, это за километр до въезда в деревню, налево.

– Можешь на меня рассчитывать, я приеду.

Вечером, сидя у телевизора между дядей и тетей, я подумала, что мы находимся в большом аквариуме. Они были милыми рыбками, спокойно щиплющими водоросли, а я – карака-тицей.

Нужно стараться не быть агрессивной, не делать ничего, что им было бы неприятно, ни одного слова, ни одного жеста.

Я не знала, что покидаю их навсегда. Знала только, что я их обманываю, и это меня задевало. Их – представителей того, что было самым удачным в нашей семье.

Отдаляясь от них, я отдалялась от Добра. Но таковой была дорога, по которой я решила идти. Если задуматься, я никогда не была нормальной, не умела жить нормально, как они. Исчезая, я освобождала их от себя.

На следующий день машина была в назначенном месте. Мы сразу тронулись в путь, и я дала себе волю – дрожала и стучала зубами.

– Тебе нехорошо? Что я могу сделать для тебя?

– Ничего, ничего, ты ничего не можешь сделать для меня. Вези меня к Мишель. Не волнуйся, пройдет. Потом позвони в клинику, скажи, что я в надежном месте, пусть не ищут. Но не говори им, где я. Я больше не хочу их видеть.

На следующий день я впервые шагала по глухому переулку.

Кто позвонил доктору? Я? Мишель? Не помню. Она была с ним знакома, я слышала о нем. Возможно, это сделала я. (У Мишель я нашла какие-то успокоительные таблетки и смогла умирить свое внутреннее Нечто.)

И вот, я все рассказала доктору.

Мне хотелось говорить о крови, но я больше говорила о внутреннем Нечто. Он выгонит меня? Я не осмеливалась взглянуть на него. Говоря о себе в той маленькой комнате, я чувствовала себя хорошо. А что если это был капкан? Последний? Может, не стоило так доверяться?

Доктор сказал: «Вы правильно поступили, что перестали принимать таблетки. Они очень опасны».

Все мое тело распрямилось. Я почувствовала глубокую благодарность к этому порядочному человеку. Может, существуют какие-то средства общения между мной и другими. Ах, если бы это действительно было так! Если бы я могла говорить с кем-то, кто действительно услышал бы меня!

Он продолжил: «Думаю, я смогу вам помочь. Если вы согласны, с завтрашнего дня мы сможем начать анализ. Вы будете приходить три раза в неделю на сеансы по сорок пять минут каждый. Но в случае, если вы согласитесь, я должен вас предупредить о том, что, во-первых, психоанализ может перевернуть всю вашу жизнь, и, во-вторых, придется прямо с этой минуты отказаться от любых таблеток, будь они от кровотечения или для лечения нервной системы. Никакого аспирина, ничего. Наконец, вы должны знать, что анализ длится, по меньшей мере, три года и стоит он будет дорого. Я попрошу с вас сорок франков за сеанс, то есть сто двадцать франков в неделю».

Он говорил серьезно, и я чувствовала, что он хочет, чтобы я выслушала его и все взвеси-ла. Первый раз за долгое время кто-то обращался ко мне как к нормальному человеку. И первый раз за долгое время я вела себя как человек, который способен взять на себя ответственность. Тогда я поняла, что в прошлом постепенно у меня была отнята любая ответственность, я была уже никем. Я стала думать о том, что происходит, и о том, что он мне только что сказал. Что за крутой поворот может произойти в моей жизни? По-видимому, я разведусь, ибо

внутреннее Нечто появилось как раз в момент замужества. Да, я, наверно, разведусь, посмотрим. Кроме этого, я не видела ничего, что еще могло бы измениться в моей жизни.

С деньгами было хуже – у меня их не было. Я жила на деньги, заработанные мужем, и на деньги моих родителей.

– Доктор, у меня нет денег.

– Вы их заработаете. Вы должны оплачивать сеансы деньгами, которые заработали лично вы. Так предпочтительнее.

– Но я не могу выходить, я не могу работать.

– Вы сможете. Я подожду три месяца, полгода, пока вы найдете себе работу. Мы можем договориться. Мне лишь хотелось, чтобы вы знали, что вам придется платить мне и что это обойдется вам дорого. Сеансы, которые вы будете пропускать, будут оплачиваться вами так же, как и остальные. Если вам это не будет стоить ничего, вы не примете анализ всерьез. Уж это мне известно.

Он говорил довольно сухо, тоном человека, который заключает деловую сделку. Ни тени сочувствия в голосе, ни тени врачебного или родительского отношения. Я не знала, что, идя на то, чтобы тут же начать со мной анализ, он брал на себя дополнительную нагрузку, еще три часа в неделю, отягощая тем самым свою жизнь, и так уже переполненную встречами с больными. Он не сделал ни одного намека ни на избыток усталости, ни на то, что поступал так исключительным образом потому, что видел, насколько я больна. Ни одного слова, наоборот, на первый взгляд, речь шла лишь о простой сделке. Он брал на себя риск, выбор оставался за мной. Ведь он знал, что, кроме него, у меня было лишь два выхода: психиатрическая больница или самоубийство.

– Доктор, я согласна. Я не знаю, как я буду вам платить, но я согласна.

– Все в порядке, начнем с завтрашнего дня.

Он достал маленький блокнот и указал мне дни и часы, когда я должна приходить.

– Доктор, а если у меня появится кровотечение?

– Ничего не предпринимайте.

– Но я уже была госпитализирована по этой причине, мне делали переливания крови, выскабливания.

– Знаю. Ничего не предпринимайте, я жду вас завтра. Одного я все же от вас потребую: постарайтесь забыть все, что вы знаете о психоанализе, не прибегайте к этим знаниям, ищите замену для слов из аналитического словаря, которые вы выучили. Все, что вы знаете, будет лишь притормаживать вас.

Верно, я считала, что знаю об интроспекции все, и в глубине души мне казалось, что лечение будет иметь для меня тот же эффект, что и массаж для деревянной ноги.

– Но, доктор, что у меня?

Он сделал неопределенный жест, как будто говоря: «Какой смысл имеют диагнозы?».

– Вы утомлены, взбудоражены. Думаю, я смогу вам помочь.

Он проводил меня до двери.

– До свидания, мадам, до завтра.

– До свидания, доктор.

II

Ночь после этого первого визита была тяжелой. Нечто металось внутри меня. Уже долгое время я засыпала лишь после большой дозы препаратов, а доктор велел прекратить прием всех лекарств.

Я лежала в постели подавленная, на последнем издыхании, вся в поту. Когда я открывала глаза, то переживала распад всего внешнего: предметов, воздуха. Когда я закрывала глаза, то переживала распад внутреннего: клеток, собственной плоти. Это пугало меня. Ничто и никто ни на минуту не мог остановить эту деградацию всего. Я тонула, не могла дышать, повсюду были микробы, личинки мух, разъедающие все вокруг кислоты, гноящиеся опухоли. К чему такая жизнь, которая поедает сама себя?

К чему это вынашивание, наполненное агонией? Почему мое тело стареет? Почему оно производит жидкости и зловонные материи? Зачем моя потливость, фекалии, моча, кал? Почему? Зачем эта война всего, что существует, клеток – какая какую убьет и чьим насытится трупом? Зачем этот бесконечный величественный хоровод фагоцитов? Кто правит этим абсолютным монстром? Какой неутомимый мотор управляет погоней за добычей? Кто с такой силой приводит в действие атомы? Кто наблюдает за каждым камешком, каждой травинкой, каждым воздушным пузырьком, за каждым младенцем с исключительным вниманием, чтобы сопроводить их до смертного тления? Что, кроме смерти, столь же стабильно? Где успокоиться, как только не в смерти, представляющей собой само разложение? Кому принадлежит смерть? Что представляет собой это Нечто, огромное и мягкое, безразличное к красоте, радости, спокойствию, любви, – то, которое опускается на меня и душит? Кто одинаково любит дерьмо и нежность, не различая их? В чем другие находят силу, чтобы выдержать свое внутреннее Нечто? Как они могут жить с ним? Они сумасшедшие! Все они сумасшедшие! Я не могу спрятаться и ничего не могу поделать, я целиком зависима от того Нечто, которое приходит тихо, неумолимо, которое хочет меня, хочет для того, чтобы пожирать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.